вліяніемъ душевныхъ ощущеній, не рѣшается ихъ изслѣдовать.

Безспорно, въ душѣ русскаго писателя господствуетъ сильная борьба, умъ его томимъ безпокойствомъ и смущеніемъ: онъ сознается самъ, что всю свою жизнь искалъ нравственнаго спокойствія, до котораго достигъ наконецъ изученіемъ Св. Евангелія. (Замѣтимъ, что онъ не упоминаетъ о Св. Писаніи Ветхаго Завѣта и о дѣяніяхъ и посланіяхъ Св. Апостоловъ.)